

В.А. КОВАЛЁВ*

**ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВИЛ «ИГРЫ БЕЗ ПРАВИЛ».
КРИМИНАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ И ОБЩЕСТВО
БЕЗ «ОТКРЫТОГО ДОСТУПА» В «ЕСТЕСТВЕННОМ
ГОСУДАРСТВЕ» РФ. (ГИПОТЕЗА)**

Аннотация. В статье рассматривается феномен руководителей субъектов Российской Федерации, против которых были возбуждены уголовные дела по обвинению в коррупции и тому подобное. Феномен «криминал-губернаторов» связывается с политическими и экономическими особенностями «закрытого доступа», когда в отношении элит и населения не действует единый правовой стандарт. «Борьба против коррупции» в этом случае является средством перераспределения ренты. Анализируются причины и последствия такого положения.

Ключевые слова: губернаторы в РФ; рента и коррупция; «естественное государство»; «открытый доступ».

V.A. Kovalev

**Changing the rules of «games without rules» criminal-governors
and society without «open access» in the «natural state»
of the Russian Federation. Hypothesis**

Abstract. The article examines the phenomenon of heads of subjects of the Russian Federation, against which criminal cases were instituted on charges of corruption and the like. The phenomenon of «criminal governors» is associated with the political and economic characteristics of «closed access», when a single legal standard does not

* **Ковалёв Виктор Антонович**, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, e-mail: vant_2000@mail.ru

Kovalev Viktor, Syktyvkar state university named P. Sorokin, e-mail: vant_2000@mail.ru

apply to elites and the population. «Struggle against corruption» in this case is a means of redistribution of rent. The causes and consequences of such a situation are analyzed.

Keywords: governors in Russia; rent and corruption; «natural state»; «open access».

Последние годы в РФ отмечены возбуждением уголовных дел и арестами ряда руководителей субъектов федерации: губернаторов и глав республик, которые стали заметно более частым явлением.

Большой резонанс в СМИ вызвало задержание экс-губернатора Сахалина Александра Хорошавина в марте 2015 г. В сентябре 2015 г., наряду с арестом главы РК Вячеслава Гайзера, было взято под стражу еще полтора десятка лиц, в том числе высшие региональные чиновники. Мы уже дважды обращались к анализу этого криминально-политического скандала [Ковалев, 2016 а; Ковалев, 2016 б]. Криминальная сеть в верхушке региона, созданная бизнесменом А. Зарубиным, по версии следствия, существовала много лет, и к ней был причастен и предшественник Гайзера на посту губернатора, а потом сенатор в Совете Федерации от Коми, Владимир Торлопов. Его, обвиняемого в причастности к миллиардным хищениям, гуманно подвергли домашнему аресту. На момент написания статьи «дело Гайзера» не было доведено до суда, а ряд обвиняемых были отпущены.

Летом 2016 г. при получении взятки был арестован губернатор Кировской области Никита Белых (по иронии судьбы накануне ареста он был с визитом в Сыктывкаре, где договаривался со сменщиком Гайзера о расширении сотрудничества соседних регионов). В конце декабря 2016 г. под стражу был взят бывший руководитель администрации Республики Хакасия Владимир Бызов.

Апрель 2017 г. принес новые «сенсации». Тогда был задержан и этапирован в Москву экс-глава Республики Марий Эл Леонид Маркелов. В начале апреля задержан и отправлен под арест в Москву глава Удмуртии Александр Соловьев.

В международный розыск объявлен бывший губернатор Челябинской области Михаил Юревич. И, скорее всего, этот список будет продолжен. Здесь можно говорить о некой тенденции и оформлении феномена «криминал-губернаторов». Трудно сказать, к чему это приведет в рамках существующей системы – к укреплению властной вертикали или, наоборот, к «раскачиванию лодки».

Ранее смещения губернаторов практиковались, но такого количества уголовных дел и задержаний не наблюдалось. Конечно, те, кто следит за политикой в регионах РФ, могут вспомнить арест в 2006 г. губернатора Ненецкого автономного округа Алексея Барина. Многие считали это дело следствием конфликта Барина с тогдашним полпредом в СЗФО Ильей Клебановым. Впоследствии Барин был оправдан.

Реальный срок получил экс-губернатор (до 2011 г.) Тульской области Вячеслав Дудка. Был также осужден в 2015 г. бывший губернатор Брянской области Николай Денин. Обвинения были предъявлены отправленному в отставку «в связи с утратой доверия» руководителю Новосибирской области Василию Юрченко. В «нулевые годы» предпринимались попытки осудить губернаторов Леонида Короткова (Амурская область), Александра Тишанина (Иркутская область) и упомянутого уже Алексея Барина (НАО). За истечением срока давности было закрыто уголовное дело против бывшего руководителя Камчатской области Михаила Машковцева¹.

Но эти отдельные истории воспринимались как единичные случаи и выглядели исключениями (или же просто наблюдатели не видели в этом тенденции). Теперь же «криминал-губернаторская» тенденция просматривается довольно ясно.

Ранее в большинстве случаев «силовики», как правило, ограничивались отдельными чиновниками из администраций и правительств регионов или «сажали» руководителей муниципалитетов. Но дела против губернаторов все же возбуждались весьма редко, и, по-видимому, для этого требовались санкции выше. Но после 2015 г. такие санкции стали выдаваться чаще, что и было подтверждено в очередной раз в апреле 2017 г.

Можно ли рассматривать задержания 2017 г. как прелюдию к выборам? Вполне. Ведь 26 марта 2017 г. в городах РФ по призыву А. Навального прошли митинги против коррупции, отличавшиеся невиданным за последние несколько лет масштабом. И вот в апреле было арестовано «за коррупцию» сразу двое глав республик. Однако вряд ли стоит сводить все к переключению внимания перед выборами на демонстрацию борьбы с коррупцией, т.е. рас-

¹ См. подробнее: [Уголовные дела против губернаторов...]

смагивать эти дела лишь в рамках конкретных политических проблем власти [см., например: Сергеев, 2017].

Мы не видим особого смысла рассматривать эти аресты и сопутствующие скандалы только в правовых терминах и / или в русле кампании «по борьбе с коррупцией» или «принуждения к закону». Много лет на нарушение губернаторами и другими чиновниками закона практически никто (за исключением ряда общественников и журналистов) не обращал внимания.

Эту ситуацию надо рассматривать в соответствии со специфическими условиями российских политико-правовых практик (на базе соответствующих политико-экономических реалий). Отсутствие единого правового стандарта, реального равенства всех перед законом («друзьям все – остальным закон»), отказ от расследований обвинений в коррупции высокопоставленных чиновников по фактам, представленным общественностью, – это реалии нынешней России. В этой логике понятно удивление, высказываемое рядом региональных наблюдателей, почему же посадили «нашего», когда соседний не лучше (так в Коми или Кировской области многие недоумевали, чем их губернаторы хуже других и неужели в остальных регионах их руководители и их окружение являются образцами законности и транспарентности).

Таким образом «игра без правил», вынесенная в заголовок статьи, означает фактически отсутствие правового государства, а не того, что «правил» вообще нет и не было. Но эти правила относятся, скорее, к функционированию и практикам неформальных институтов, что хорошо описано в различных версиях неинституциональных подходов (в дальнейшем мы будем пользоваться подходом, в котором различаются так называемое «естественное государство» и «открытый доступ» [Норт, Уоллис, Вайнгайт, 2011]).

К числу таких неформальных правил можно отнести, допустим, предположение, что губернаторы регионов РФ продолжительное время имели иммунитет от уголовного преследования, а взамен от них требовалась полная внешняя лояльность в рамках «вертикали» и обеспечение высоких показателей «партии власти» и «главного кандидата» на соответствующих федеральных выборах¹.

¹ Тем удивительнее в 2015 г. прозвучал арест главы РК В. Гайзера и его окружения, так как они-то исправно обеспечивали соответствующие электоральные показатели. В 2011 г. писали даже об определенной «электоральной аномалии».

Но можно предположить и другое. Например, то, что эти элиты делили ренту, которой с определенного периода (после спада нефтяных цен, растущих военных расходов и т.д.) стало заметно не хватать. В условиях, когда «естественное государство» блокирует источники производительности и новаций (так как это грозит изменениями в распределении сложившегося баланса власти), единственным и самым понятным выходом для элиты было сокращение участников коалиции элит, присваивающих ренту. Выбор пал на губернаторов как наиболее «слабые звенья» такого коалиционного альянса, невзирая на политическую риторику и формальные электоральные результаты.

Изменение этих «правил», на наш взгляд, может быть адекватно описано в рамках различия «открытого доступа» и так называемого «естественного государства», предложенного Д. Нортм и его коллегами. Важным отличием открытого доступа от состояния «естественного государства» является то, что в первом случае порядок характеризуется «широким распространением безличных социальных взаимоотношений, включая верховенство права, защиту права собственности, справедливость и равенство – все аспекты равноправия»; а вторая модель отличается «господством социальных взаимоотношений, организованных при помощи личных связей, включая привилегии, и социальные иерархии, законы, которые применяются не ко всем одинаково, незащищенные права собственности и распространенные представления о том, что не все люди были созданы равными» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 54]. Сам же переход к порядку открытого доступа, который в разной степени совершили развитые страны, по мнению авторов-неоинституционалистов, должен включать в себя три предварительных условия: «Подчинение элиты верховенству закона, или равенство всех перед законом, существование бессрочных (постоянных) организаций, которые не зависят ни от государства, ни от конкретных личностей, и, наконец, консолидированный контроль над вооруженными силами и технологиями разрушения и насилия, что предотвращает саморазрушение и деградацию такого порядка» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2001, с. 11].

лии» в РК, когда «Единая Россия» по Коми получила гораздо более высокий результат, нежели в соседних, схожих с ней по многим параметрам регионах.

Напротив, модель ограниченного доступа в «естественном государстве» среди прочего отмечена «политическим устройством, которое не основывается на общем согласии граждан... господством социальных отношений, организованных при помощи личных связей, включая привилегии, социальные иерархии, законы, которые применяются не ко всем одинаково, незащищенные права собственности и пр. [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2001, с. 54].

Книга «Насилие и социальные порядки» была издана в России еще в 2011 г., но, на наш взгляд, не получила настоящего резонанса и должной оценки, хотя, по нашему мнению, содержала в себе очень важные теоретические инструменты для объяснения российских правовых, политических, экономических и связанных с ними криминальных практик. Конечно, в академической среде взгляды Норта и его соавторов хорошо известны и неоднократно описывались [см., например: Заостровцев, 2013; Заостровцев, 2014], но речь идет именно о применении этих разработок к анализу российских реалий. Когда «доходит до дела», то многие важные методологические инструменты и теоретические подходы просто-напросто игнорируются российской «научной общественностью».

Тем не менее нас привлекает подход Д. Норта и его коллег именно в плане методологических и конкретно-политических выводов из разделения «открытого доступа» и «естественного государства». Прежде всего здесь эвристически весьма успешным способом устанавливается взаимосвязь между политическими и экономическими процессами. Этот подход гораздо более продуктивен, чем просто выяснение соотношения экономических показателей и уровня демократии или выяснение возможности для ее установления (демократизации).

Далее, принципиальное различие «открытого доступа» и «естественного государства» позволяет избегать широко распространенных ошибок, когда реалии последнего описываются и анализируются так, как будто речь идет о первом. В качестве примера можно привести вал публикаций о российских «выборах», авторы которых как будто забывают о том, что эти выборы ни к какому важному изменению привести не в состоянии и служат лишь целям легитимации существующего порядка в рамках нынешнего варианта «естественного государства» в РФ. «Открытый доступ» предполагает, что «контроль над политической системой открыт для любой группы и оспаривается посредством предписанных,

обычно формальных, конституционных средств... Способность формировать организации по желанию, без одобрения со стороны государства, обеспечивает ненасильственную конкуренцию в политике, в экономике и в любой другой области общества с открытым доступом [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2001, с. 70]. Могут ли существовать реальная конкуренция без указанного «контроля и способностей» – вопрос риторический. Но именно по контрасту подход Норта и его соавторов представляется очень плодотворным и однажды мы его уже использовали для анализа российского кризиса [Ковалёв, 2012].

Рассмотрение тех или иных процессов в рамках концепции «открытого доступа» (или отсутствия соответствующих условий) ставит вопрос о наличии политических и экономических свобод и связи между ними. Обоснованность политических порядков теми или иными экономическими условиями – фундаментальная проблема для современной общественной науки и практики [Асемоглу, Робертсон, 2011].

Демократия, авторитаризм, экономический рост и модернизация находятся между собой в сложных отношениях. Выхолащивание демократических институтов в РФ сопровождалось лишь временным экономическим ростом (обусловленным внешним, «нефтяным» фактором), но не сопровождалось социально-экономическим развитием. Попытка авторитарной мобилизации в РФ (если она вообще предпринималась!) провалилась. Как пишет В. Гельман: «Проблемы низкого качества институтов в России связаны с феноменом “недостойного правления”, накладывающего наиболее значимые ограничения на реализацию проекта авторитарной модернизации. Поиск ренты в России – это не просто побочный эффект коррупции и неэффективности, но главная цель и основное содержание управления государством на всех уровнях, в то время как формальные институты государства призваны обеспечивать достижение этих частных целей инсайдерами “вертикали власти”» [Гельман, 2017 б, с. 50].

Авторы книги «Насилие и социальные порядки» отмечают: «институты выборов и институты корпораций в естественных государствах работают иначе, чем в порядках открытого доступа» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2001, с. 424]. Например, корпорация, благодаря личным связям ее руководства и выгодополучателей, может быть успешной, несмотря на неэффективный менеджмент и

гигантские убытки. Кстати, в ряде случаев корпорации, как экономические агенты, могут быть связаны с переменами в региональных элитах, в том числе и путем их насильственного устранения (под видом уголовного дела). Так экспертами высказывалось мнение, что к громким арестам сахалинского и коми губернаторов приложила руку «Роснефть»¹ (как, позднее, и к аресту министра Улюкаева). В наших условиях подтвердить или опровергнуть эту информацию довольно затруднительно, однако появление подобных историй весьма симптоматично.

С выборами ситуация выглядит более ясной, по крайней мере, при теоретическом анализе. В реальности «естественных государств» институт выборов если и существует, то действует совсем не так, как в обществах открытого доступа, в нашем случае он откровенно выхолощен. Попытки объяснить это с историко-культурных и т.п. позиций представляются нам скорее манипулятивными или непродуктивными. Отказ от выборов или превращение их в фарс имеет целью сделать более комфортным и безопасным присвоение ренты со стороны элит, дорвавшихся до власти, а значит, и экономических возможностей. Наступление на гражданские и политические свободы, возможности свободно заниматься бизнесом и т.д. происходит не ради укрепления «стабильности», а для того, чтобы было удобнее присваивать ренту. Для понимания этой связи никакой историософии и прочей мистики совершенно не требуется. «Выборы не приводят к неизбежному созданию демократии. Выборы требуют наличия институтов и организаций, а также убеждений и норм до того, как они создадут порядок открытого доступа с демократической конкуренцией за политическую власть» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2001, с. 59]. И в этом мы с Нортом и его коллегами совершенно солидарны. Тем более что распространение феномена «криминал-губернаторов» было в Российской Федерации связано с отменой голосования населения на губернаторских выборах и общим выхолащиванием этого демократического института. Сейчас трудно определить, были ли избранные до 2005 г. губернаторы более или менее криминальными, нежели те, кто получил свою должность через «наделение полномочиями» (возбуждение уголовных дел – ненадежный индикатор в наших условиях). Но то,

¹ Лицом к событиям. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=u9qVXwtlw1c> (Дата посещения: 08.08.2017.)

что криминальным практикам было удобнее разворачиваться при ослаблении контроля со стороны населения, прессы, оппозиции и пр., – выглядит бесспорным.

В самом деле, если посмотреть на происходящее в избранном нами ракурсе, то в чем же обвиняют «криминал-губернаторов» и связанных с ними лиц (а также глав администраций Московской области, которые в большинстве своем также перестали избираться населением). Как правило, это коррупция, взятки, незаконный «отжим» собственности, накопление незаконно присвоенных ценностей, манипуляции с государственной и муниципальной собственностью, выдача лицензий и разрешений «своим людям». То есть налицо борьба за ренту в логике «естественного государства». Но при этом в законодательстве имитируются многие нормы цивилизованных стран («открытого доступа») с единым правовым стандартом, и формально эти законы можно использовать в случае, если против кого-то требуется возбудить громкое уголовное дело в рамках кампании «по борьбе с коррупцией».

В этом смысле о причинах участвовавшего задержания «криминал-губернаторов» в государстве без «открытого доступа» возможно выдвижение двух основных гипотез (в силу закрытости информации не имеющих сейчас шансов на окончательное подтверждение).

Повторим, что с большей степенью уверенности можно сказать, что возбуждение уголовных дел и «посадки» криминал-губернаторов связаны с уменьшением ресурсного пирога, доступного для дележа элитами, и эта сокращающаяся рента в «естественном государстве» естественным образом требует сокращения участников. Появление новых источников богатства (помимо рент от природных (естественных) ресурсов и того, что удалось сохранить и приспособить от советского наследия) в образованиях такого типа весьма затруднено, ибо развитие рынков, инновационная деятельность и т.п. требует допущения открытой конкуренции, а значит, приведет к перераспределению в балансе собственности и власти.

В случаях регионов РФ подавляющее большинство из них находятся в безнадежно дотационном состоянии не столько потому, что там плохой климат, неразвитая инфраструктура, недостаточно квалифицированная рабочая сила и т.п., но в силу тех же политико-экономических причин ограничения доступа к ренте,

которые, к примеру, подавляют развитие малого и среднего бизнеса, который сейчас в регионах находится в весьма угнетенном состоянии. Стимулов для его развития при монополизации доступа к прибыльной экономической деятельности нет, а значит, нет и независимых источников поддержки политической или культурной деятельности, которая могла бы бросить серьезный вызов сложившейся экономической политико-идеологической монополии. Получается замкнутый круг, когда населению остается затягивать пояса и ожидать повышения цен на нефть или манны небесной (ибо возможности его собственной активности весьма ограничены), а среди «элит» разгорается все более ожесточенная «борьба бульдогов под ковром».

Итак, в соответствии с одной из гипотез можно поставить вопрос о продолжающейся борьбе федеральных и региональных элит, которыми характеризовался российский политических ландшафт 1990-х и начала «нулевых» годов. Но такая гипотеза выглядит весьма слабо. Губернаторы в свое время, даже получив политические возможности на всеобщих выборах, имели больше стимулов к монополизации регионального политического и экономического пространства, нежели к «борьбе по правилам» и развитию конкуренции. На их устремления нашелся более сильный игрок в лице федерального центра, где власть была консолидирована после выборов 1999–2000 гг. Выстраивание «вертикали» было на тот период выгодно и крупному олигархическому бизнесу, который, в силу своего практически криминального (приватизация, залоговые аукционы и пр.) происхождения, также не стремился к созданию условий честной конкуренции [Зубаревич, 2002]. Создание политической и экономической «вертикали», прикрываемой риторикой о приведении в соответствие с федеральным региональным законодательством, не вызвало сколько-нибудь серьезного сопротивления на региональном уровне. В результате губернаторы были «построены» (стали фактически назначаться и потеряли членство в верхней палате Федерального собрания), а олигархи «равноудалены» (за исключением ближайших друзей новой властной коалиции, остальным поставили в пример М. Ходорковского). При этом в условиях общего роста доходов эти региональные элиты все равно имели привилегированный доступ к ренте. Но в политическом плане они потеряли свои позиции и перед лицом федеральных чиновников (т.е. тех, кто их направ-

лял) и перед лицом крупного олигархического бизнеса (с соответствующей «крышей»), и в дальнейшем все более попадали под контроль «естественного государства» (в том виде, как оно здесь сформировалось).

Объективно противоречие между региональными и федеральными группировками никуда не делось, но «региональные элиты» в «нулевые годы» во-многом потеряли политическую субъектность, согласившись (из тактических соображений) на отмену прямых губернаторских выборов и далее лишь теряли свои позиции. Даже для самых влиятельных региональных лидеров это обернулось поражением (вспомним отставку Ю. Лужкова, произошедшую с потрясающей легкостью, или нынешнее наступление на банковскую систему Татарстана). Так что считать сейчас региональных лидеров важной стороной разворачивающегося конфликта довольно трудно, скорее «жертвы губернаторов» – это следствие другой игры.

Другая гипотеза представляется нам более вероятной. Она предполагает, что за оставшиеся куски ренты идет борьба между силовыми ведомствами. Для «естественных государств» характерны противостояния или коалиции именно «специалистов по насилию». Изначально они определяют контроль за рентой. Или же пресловутые «силовики» возвращают себе этот контроль в ситуации, когда прежняя коалиция распадается, а условий для свободной конкуренции и эффективного контроля над самими «силовиками» нет. Борьба «специалистов по насилию» за перераспределение ценностей и ренты, а также усилия по поддержанию баланса между «силовиками» и их «вассалами» и составляют основное содержание политического процесса, в том числе и нашем варианте «естественного государства»¹. Региональная политика и выборы играют при этом вспомогательную роль. При сокращении ренты стимулы, которые раньше сдерживали взаимное насилие, ослабли и это способствовало развязыванию ряда войн между «силовиками», сопровождаемых эффектной телекартинкой.

В этой перспективе арестованных губернаторов (со всеми этими золотыми ручками, изъятыми драгоценностями, пачками

¹ Процессы, связанные с борьбой силовиков за ренту, неоднократно были описаны. [Например: Становая, 2014]. Аресты и конфискации, предпринятые российскими силовиками друг против друга, являются постоянной темой в СМИ.

конфискованных денег и пр.) можно рассматривать как попутные жертвы войны силовых ведомств, которые оказались за решеткой, скажем, в случае ослабления «крыши» (ничего странного нет в том, что специалисты по насилию могут «крышевать» не только бизнес, но и руководителей муниципалитетов и регионов, получая через них доступ к контролю над соответствующими ресурсами).

В более широком историческом плане следует понимать, что постсоветское «естественное государство» сменило «естественное государство» советского типа, где на фоне политической и экономической монополии авторитарного или тоталитарного государства-партии предметом ограниченного доступа были продукты, одежда-обувь, книги и фильмы, возможность установить домашний телефон или купить автомобиль. В постсоветский период ряд материальных и культурных благ стали более широко доступны населению, но возможности политической и экономической конкуренции закрылись для него слишком быстро, когда соответствующие институты еще не сумели укрепиться. Только вместо советской тотальности партийно-идеологической вертикали, подкрепленной силовыми ведомствами, пришла вертикаль «силовики», окруженная квазипартийностью и тотальной пропагандой. В этих условиях силовой дележ ренты не исключение, а правило, даже некий системообразующий принцип, которому вынуждены следовать все элитные группировки того или иного уровня.

В этой логике понятно удивление, высказываемое рядом наблюдателей, почему же посадили «нашего», когда соседний не лучше, но также понятно, что данная логика не объяснит выбор жертвы борьбы с коррупцией. Процесс выстраивания и укрепления «вертикали» продолжается, но в «естественном государстве» это служит укреплению измененных внеправовых правил присвоения ренты. Но никак не общественному благу. Кадровые замены сверху, плохо замаскированные «выборами» (в «естественном государстве» это довольно условное понятие) не решают проблемы регионов, которые в социально-экономическом плане скатываются все дальше в нищету.

Так в 2013–2015 гг. дефицит имели 75–77 регионов; в 2016 г. ситуация не улучшилась [Зубаревич, 2016] и имеется мало шансов на улучшение. Просто смена проворовавшегося губернатора без изменения политических и экономических условий его деятельности ничего позитивного для населения региона не несет. Губерна-

торы-«технократы», присланные из Центра или мало или никак не связанные с территорией, могут (и даже, скорее всего, должны) оказаться хуже тех, кого перед ними арестовали, что может выражаться в их крайне странных кадровых назначениях, сомнительной риторике и авантюристическом поведении, растущих и неудовлетворенных аппетитах приходящих (с «варягами») в регионы группировок. Без изменения общего курса и при отсутствии единого правового стандарта «технократы» не в состоянии решить проблемы ни в федеральных ведомствах, ни в руководстве регионов, тем более что при ближайшем рассмотрении они оказываются вовсе не «технократами» [Гельман, 2017 а].

Связь этих «технократов» с региональным социумом еще более слабая и неустойчивая, нежели у прежних «криминал-губернаторов». Но на местах этой тенденции практически нечего (и некого) противопоставить в силу ослабления региональных социумов и «зачистки» там политического и информационного поля. У населения российской провинции нет реальных политических возможностей всему этому произволу противостоять даже по частным и не политическим вопросам, тем более в условиях, когда и без того слабые СМИ, независимые НКО, организации гражданских активистов и др. в предыдущие годы были существенно «зачищены». Но задачи укрепления «вертикали» при этом временно решаются. Как пишет Н. Петров о региональной политике Кремля в текущем десятилетии, региональные корпорации в большинстве своем демонтированы уже давно, а с ними и соответствующие политические машины. Замены коренных глав регионов «варягами», часто неоднократные, существенно ослабили механизм их зависимости от региональных элит, как политических, так и в сфере бизнеса, и усилили зависимость от Кремля. Вместе с «пришлым» губернатором-менеджером в регион приходила и внешняя команда, зачастую представлявшая федеральные корпорации: РЖД, «Газпром», «Роснефть», «Ростех» и др. К 2012 г. во всех российских регионах завершилось оформление института вице-губернаторов по внутренней политике, контролируемых напрямую центром [Петров, 2016].

Стране остро нужна «честная игра» для всех. Составляющие такой игры абстрактно, в общем-то, понятны. Скажем, еще в эпоху прошлого подъема протестного движения в конце 2011 – начале 2012 г., по мнению журналиста и политолога Кирилла Рогова, это

бы включало в себя честные выборы, справедливый суд, кардинальное изменение ситуации в правоохранительной сфере и независимость СМИ [Рогов, 2012]. Программа, безусловно, правильная и красивая, только вот без «открытого доступа» в принципе нереализуемая. Логика российского «естественного государства» диктует сейчас иные задачи. Тот же эксперт, кстати, позднее отмечал: «Главный вопрос дня для российской политической системы – как жить в условиях скудеющих незаработанных доходов?.. Игроками во всеобщей борьбе за долю ренты оказываются и целые регионы (с совокупными долгами более двух триллионов рублей). При этом «необходимость делить уменьшающийся пирог – вовсе не приговор для диктаторов и автократов. Скорее, наоборот. Для авторитарных лидеров вредно, чтобы все богатели, становились более самостоятельными и меньше рассчитывали на государство». Но одновременно «характерная для России проблема неопределенности будущего продолжит сокращать и без того крайне узкий горизонт планирования. Рассчитывать на рост инвестиций в ситуации одновременно падающих нефтегазовых доходов и низкого качества институтов не приходится. Исчезновение долгосрочных стимулов к развитию помимо препятствия для инвестиций создает стимулы к краткосрочному извлечению выгоды, а также к правонарушениям, к растратам, присвоению и выводу средств» [Рогов, 2015].

Итак, если с диагнозом ситуации более или менее понятно, то с выходом из ситуации «естественного государства» в нашем случае дело обстоит весьма сложно. Разумеется, мечтать о быстром переходе в новое состояние ныне просто утопично. Ситуация, по нашему мнению, сильно ухудшилась по сравнению со временами «перестройки» как в силу значительной экономической, научно-технологической и культурно-образовательной деградации страны, так и с точки зрения обеспечения безопасности. Институты и организации также не получили достаточного развития в направлении «открытого доступа». О равенстве прав говорить просто не приходится, как и об автономии граждан и независимых (политических) организациях. Как полагает Б. Уэйнгаст (Вайнгаст), наоборот, организациям теперь стала требоваться тесная связь с государством, пропали умеренные сдержки в лице Думы, избираемых *губернаторов* (курсив мой. – В.К.) и независимой прессы [Уэйнгаст, 2009, с. 152]. Это инволюционное нисхождение

не могло не сказаться на населении, у которого на ситуацию с фактическим лишением прав (например, избирательных) нет никаких ответов, кроме бесконечного терпения и скудного набора индивидуальных стратегий для выживания в кризисе... Но переход к «открытому доступу» начинается с того, что личные привилегии заменяются безличными правами именно среди элиты. Однако вопрос о глубинных причинах блокирования перехода к «открытому доступу» и неприятным сюрпризам в случае механического переноса правил «открытого доступа» в предшествующее состояние тоже не стоит игнорировать. По-видимому, верно, что ключевой проблемой здесь является контроль над насилием [См.: Уэйнгаст, 2009]. В случае с РФ, например, можно и нужно вспомнить, что укрепление «вертикали власти» в нулевые годы (а шаги в этом направлении пользовались значительной поддержкой) было реакцией на видимый разгул преступности в «лихие 90-е». Само второе президентство в РФ выросло из войны в Чечне и страшных терактов, и даже отмена прямых губернаторских выборов обосновывалась в 2004 г. угрозой терроризма.

Шансы на улучшение ситуации для российской провинции при нынешнем варианте «естественного государства» в РФ уже не просматриваются. Наоборот, при новом резком сокращении нефтяных поступлений (ренты от внешней торговли) массовая бедность в российских регионах превратится в повальную нищету. Положение усугубляется тем, что региональные и муниципальные элиты оказываются все менее связанными с населением территорий и ответственностью перед ним. Между тем качество таких связей окажется ключевым фактором в противостоянии надвинувшемуся на Россию кризису или же в беспомощности перед ним. Такова цена монополизации рент и отсутствия реальной политической и экономической конкуренции в российских городах и весях. Как будут дальше развиваться события в российских регионах, зависит не от них, а от развития общероссийской (и мировой) ситуации. Несмотря на то что представления о наличии в мире стран «открытого доступа» сильно идеализированы, это остается достойной целью для России и ее регионов, в случае если представится шанс на обновление. Ключевым фактором здесь будет ограничение монопольной ренты для элит и невозможность возникновения снова ситуации, когда «победитель получает все» во всех отношениях. «Естественное государство» не уйдет быстро, но

страна и регионы получат больше шансов для своего развития, если будут стремиться к политической и экономической конкуренции.

И еще. Хотя рассмотрение моделей поведения и рентных стимулов «криминал-губернаторских элит» и оставило практически за скобками вопрос о страданиях населения российских регионов, в которых действовали и действуют подобные «элиты», но об этих несчастьях всегда следует помнить. И использовать для анализа причин такого положения современный методологический инструментарий, позволяющий вскрывать суть проблем, а не затушевывать их, и, как видно на примере концепции Д. Норты и его соавторов, уже сейчас этот инструментарий представлен в избытке.

Список литературы

- Асемоглу Д., Робинсон Дж. А.* Экономические истоки диктатуры и демократии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 512 с.
- Гельман В.* Новых российских губернаторов называют «молодыми технократами». Что это значит? // Медуза. – 2017. – 15 февраля. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/02/15/novyh-rossijskih-gubernatorov-nazyvayut-molodymi-tehnokratami-chto-eto-znachit> (Дата посещения: 25.05.2017.)
- Гельман В.Я.* Авторитарная модернизация в России – миссия невыполнима? // Мир России. – М., 2017 а. – Т. 26, № 2. – С. 38–61.
- Заостровцев А.П.* Дуглас Норт: Бегство от неоклассического мейнстрима // Общественные науки и современность. – М., 2013. – № 4. – С. 140–150.
- Заостровцев А.П.* История по Асемоглу – Робинсону: Институты, развитие и пределы авторитарного роста // Общественные науки и современность. – М., 2014. – № 4. – С. 32–43.
- Зубаревич Н.* Бремя регионов: Что изменилось за 10 лет // Контрапункт. – М., 2016. – № 6. – Режим доступа: http://www.counter-point.org/zubarevich_6/ (Дата посещения: 25.05.2017.)
- Зубаревич Н.* Пришел, увидел, победил? Крупный бизнес и региональная власть // Pro et Contra. – М., 2002. – Т. 7, № 1. – С. 107–119.
- Ковалев В.А.* «Гайзергейт» в Республике Коми: Неработающие институты авторитарного администрирования и проблемы политического порядка // Россия и современный мир. – М., 2016. – № 2. – С. 22–38.
- Ковалев В.А.* 2012 как 1984? Российские трансформации и политический кризис // Политическая наука. – М., 2012. – № 1. – С. 31–50.
- Ковалев В.А.* Региональные политики и коррупция (на примере Республики Коми) // Социологические исследования. – М., 2017. – № 4. – С. 147–154.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Институт Гайдара, 2011. – 480 с.

- Петров Н.* Элиты: Новое вино в новые мехи? // Контрапункт. – М., 2016. – № 6. – Режим доступа: http://www.counter-point.org/petrov_counterpoint6/ (Дата посещения: 24.05.2017.)
- Рогов К.* Логика уменьшения пирога // Ведомости. – М., 2015. – 27 июля, № 3881. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/07/27/602202-logika-umensheniya-piroga> (Дата посещения: 24.05.2017.)
- Рогов К.* Честная игра. Черновик программы протестного движения // Новая газета. – М., 2012. – 9 апреля, № 39. – Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/04/08/49171-chestnaya-igra> (Дата посещения: 24.05.2017.)
- Сергеев Дм.* Принуждение к закону // ИА Национальные интересы. – 2017. – 17 апреля. – Режим доступа: <http://niros.ru/obschestvo/94756-prinuzhdenie-k-zakonu.html> (Дата посещения: 25.05.2017.)
- Становая Т.* Корпорация «силовиков»: Кадровая экспансия на фоне внутренних «войн» // Политком.ру. – М., 2014. – 19 апреля. – Режим доступа: <http://politcom.ru/17594.html> (Дата обращения: 25.05.2017.)
- Уголовные дела против губернаторов и экс-губернаторов в России // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/spravka/20161006/1478642458.html> (Дата посещения: 25.05.2017.)
- Уэйнгаст Б.* Почему развивающиеся государства так сопротивляются верховенству закона? // Прогнозис. – М., 2009. – № 2. – С. 135–163.